

ПОСЛЕ «ТИХОГО ДОНА».
ГЕРОИ М.А. ШОЛОХОВА В БОЛГАРИИ

«Тихий Дон» М.А. Шолохова — ярчайшее произведение русской прозы XX в., запечатлевшее с масштабностью документальной киноленты переломное для казачества десятилетие (1912–1922); произведение, представлявшую сложную эмоциональную панораму периода своего создания (1925–1940). Вековая дистанция между описанными в нем событиями и нашим временем заставляет по-новому взглянуть на этот великий, по справедливому замечанию Ф.Ф. Кузнецова, роман, выявить его подчас неожиданную для современного читателя актуальность.

Вместе с тем восприятие шолоховского эпоса во многом затруднено обилием сформировавшихся в течение нескольких десятилетий стереотипов и навязывавшихся в первую очередь официозным прочтением текста. Именно это прочтение, в котором герои были четко разделены на положительных и отрицательных, черных и белых, или, если использовать цвета политического спектра эпохи, — на белых и красных, в большой степени заслонило ту самую «святую правду» произведения, о которой свыше полувека назад упомянул один из его персонажей.

«Тихий Дон» на протяжении многих лет неизменно находился в центре внимания российских и зарубежных литературоведов, и простой перечень важнейших статей о нем которых занял бы не одну страницу. Роман и по сей день продолжает ставить перед литературоведением и читателями вопросы, на которые в большинстве случаев невозможно от-

ветить однозначно. Произведение уникально многими своими особенностями. Одной из них представляется *построманная судьба* его героев, иными словами, их жизнь за пределами художественного текста и, в частности, за рамками времени действия романа.

Место и функции исторического персонажа на страницах художественного текста — предмет особого разговора. Ввиду ограниченного объема статьи отметим только, что историческая личная судьба персонажа обычно становится героем произведения и предстает в романе уже оцененной потомками и Историей. Введение такого персонажа к тому же позволяет тексту претендовать на достоверность описываемых в нем событий. Классический пример тому — роман-эпопея Л.Н. Толстого «Война и мир».

Не так обстоит дело с эпическим полотном М.А. Шолохова: некоторые из действующих в нем около 250 реальных исторических лиц продолжали жить не только во время написания произведения, но и после его завершения в 1940 г. Для нас особый интерес представляют те из них, чья судьба оказалась связанной с Болгарией.

Многие из непосредственных участников, описанных в «Тихом Доне» общественно-политических катаклизмов в России рубежа 10-х и 20-х гг. XX в. прибыли в Болгарию в конце 1921 г. в составе Русской армии ген. П.Н. Врангеля. За прошедший после Крымской эвакуации (ноябрь 1920 г.) год они успели отведать горечь поражения, тяготы изгнания; пройти через испытания Галлиполи, Чаталджой, Лемносом. Как и следует ожидать, персонажи «Тихого Дона» были преимущественно уроженцами Донского края и, в своем большинстве, оказались в нашей стране в составе Донского корпуса Русской армии под командованием ген. Ф.Ф. Абрамова¹.

---

¹ Отметим, что казачье присутствие в наших землях датируется XVIII в. и связывается с первыми казаками-эмигрантами — так называемыми некрасовцами, переехавшими во главе с атаманом Игнатом Некрасовым с Дона через Кубань в Турцию после разгрома восстания Кондратия Булавина (1708). Некрасовцы поступили на службу к турецкому султану, который дал им привилегии и выделил для заселе-

Они были в числе тех примерно 100 тысяч казаков, которые в результате трагедии Гражданской войны покинули родную землю. Многие из них (по некоторым данным, от 30 до 50 тысяч) в течение года вернулись на Родину и, как можно предположить, в той или иной степени стали жертвами репрессий. Другие выбрали тяжелый путь изгнания.

Для многих казаков-эмигрантов Болгария стала второй родиной. Православие, близкий славянский язык, схожие климат и уклад жизни и, что очень важно, благодарная память болгар об Освободительной русско-турецкой войне 1877–1878 гг. стали факторами, благоприятствовавшими культурному диалогу и адаптации казаков в инонациональной среде. В нашей стране в эмиграции проживало больше всего донцов², меньше кубанцев, терцев, астраханцев и калмыков. По месту жительства они объединялись в станицы³, стараясь сохранить на чужбине вековые традиции, культуру и самобытность.

ния земли на территории нынешней северо-восточной Болгарии, где и по сей день проживают их потомки.

Казаки, составлявшие ударную армейскую силу Российской империи, были знакомы болгарам и по русско-турецким войнам XIX в. Недаром в одной из песен времен Апрельского восстания (1876) поется, что жители г. Клисурса стали москвичами, а жители г. Панагюриште — донскими казаками (срв.: «Пустите клисурци станали московци, / а панагюрци — донски казаци»). Таким образом, донские казаки в народном восприятии были олицетворением всех казачьих войск, всего казачества.

Что касается казачьей эмиграции XX в. в Болгарию, то она началась в 1920 г., еще до массового исхода остатков Белой армии из России.

² В ноябре 1921 г. донские казаки составляли большинство русских беженцев в Болгарии. См.: Болгарскому народу // Казачье слово. № 1. 23 ноября 1921. С. 1.

³ В эмиграции станицы были не административно-территориальными единицами, а своего рода землячествами и даже политическими группировками (например, т.наз. вольно-казачьи станицы в 30-е гг.). Атаманом Первой казачьей станицы в Болгарии (г. Габрово, 1920 г.) был генерал П.Х. Попов, а атаманом Первой Донской станицы (с. Долна-Оряховица, 1921 г.) — А.И. Бояринов. Позже возникли Бургасская, Софийская, Усть-Ломская (в г. Лом) и др. станицы.

Какие из этих эмигрантов выведены на страницах «Тихого Дона»? На этот вопрос мы постараемся ответить в настоящей статье.

Первым шолоховским персонажем, эмигрантский маршрут которого был связан с Болгарией, очевидно, следует считать пожизненного походного атамана Всевеликого Войска Донского (ВВД), генерала от кавалерии Генерального штаба **Петра Харитоновича Попова**. Этот «осанистый, пожилой» генерал в 1918 г. командовал отрядом, насчитывавшим около 1600 сабель, при 5 орудиях и 40 пулеметах (т. 2, с. 295)⁴. В сцене, которая по информативной насыщенности сравнима с кадрами кинохроники, Шолохов показывает спор Попова с Корниловым и его отказ присоединиться к Добровольческой армии для похода на Кубань. Словно воображаемой камерой писатель фиксирует «спокойную уверенность» Попова и крупным планом показывает его «мясистую белую руку с золотым кольцом, всосавшимся в мякоть указательного пальца» (т. 2, с. 297).

П.Х. Попов (1867–1960) приехал в нашу страну в 1920 г. в качестве представителя казачества в Болгарии. Тогда же он организовал в г. Габрово первую донскую станицу на чужбине. В 1924 г. уехал во Францию, а в 1928 г. — в США, где был разнорабочим (работал на ферме, поваром и т.п.). В середине 30-х гг. вместе с М.Н. Граббе был претендентом на пост донского войскового атамана и получил поддержку казаков-националистов. В 1938 г. переехал в Прагу, а в следующем году был арестован германскими властями за отказ участвовать в формировании казачьих частей в составе Вермахта. Вскоре после этого он был освобожден, но ему запрещалось заниматься какой-либо общественной деятельностью. В 1946 г. он снова уехал в Северную Америку, где дважды переизбирался донским атаманом. Попов предпринимал неудачные попытки создать зарубежное донское правительство, собирал материалы по истории казачьей эмиграции. Генерал-бессребреник, как его называют авторы «Казачьего словаря-справочника», умер в преклонном возрасте в Нью-Йорке. Причиной смерти стало

---

⁴ Все ссылки даются по: *Шолохов М.А.* Собрание сочинений: в 8 т. М.: Правда, 1980. [В скобках указываем номер тома и страниц. — *РИ*]

сожжение администрацией старческого дома, где он проживал, его рукописей⁵.

Прием акцента на значимой детали или жесте использован и при описании донского войскового атамана генерал-лейтенанта **Африкана Петровича Богаевского**. В мае 1918 г. во время совещания представителей донского правительства и Добровольческой армии Богаевский не спускает с генерала Алексеева «влажных миндалевидных глаз» (т. 3, с. 44) и нервно крутит «выхолненный в стрелку ус» (т. 3, с. 45). Изображаемый Шолоховым Богаевский как будто срисован с широко распространенной в казачьих эмигрантских изданиях 20-х — 30-х гг. фотографии атамана, где в первую очередь на зрителя производят впечатление его глаза и усы. Шолохов намекнул в своем произведении и на длившееся годами противостояние Богаевского и другого очень популярного казачьего атамана — П.Н. Краснова: в пространстве романа Богаевский появляется впервые на заседании Войскового круга как соперник Краснова на выборах войскового атамана. Писатель предугадал также и многолетнее балансирование Богаевского в эмиграции между идеей казачьей обособленности и деникинской идеей единой и неделимой России: в романе приверженцы Краснова распускают слухи, что у Богаевского «с Деникиным одна чашка-ложка» (т. 3, с. 18).

Воспитанник наиболее престижной в дореволюционной России военной академии — Николаевской академии Генерального штаба, участник Первой мировой и Гражданской войн, Первого Кубанского (Ледяного) похода ген. Корнилова, А.П. Богаевский (1872/3–1934) был последним атаманом ВВД, избранным на родной земле. В январе 1921 г. в Константинополе он стал инициатором учреждения Объединенного совета Дона, Кубани и Терека (ОСДКТ) — общеказачьего правительства в изгнании. С ноября 1921 до октября 1922 г.

⁵ См.: Казачий словарь-справочник. Т. 2 // Сост. Г.В. Губарев; Ред. А.И. Скрылов. Сан-Анселъмо (Калифорния), 1968. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/p.htm> (Дата обращения: 01.08.2013); Попов Петр Харитонович. URL: <http://ru.wikipedia.org> (Дата обращения: 13.03.2014)

атаман проживал в Болгарии. Сторонник консолидации всего казачества на чужбине даже после реэмиграции в Югославию и Францию, Богаевский активно присутствует на страницах изданий ОСДКТ у нас — газет «Казачье слово» (1921–1922) и «Казачьи думы» (1922–1924). Там он выступает в роли батьки-атамана, который неустанно заботится о своих подопечных,⁶ и регулярно публикует в специальной рубрике «От Донского атамана» письма к донцам, где даже сугубо организационные вопросы подаются эмоционально, с большой дозой патетики. Часто в казачьей прессе тех лет цитируется характеристика, данная атаманом Ленину: последний назван им величайшим злодеем в истории человечества⁷.

Если при описании Богаевского Шолохов заостряет внимание читателей на детали, то портрет другого исторического персонажа — известного военачальника Добровольческой, а затем и Русской армии **Александра Павловича Кутепова** дан крупными мазками: «широколобое, бычье лицо с широко посаженными черными глазами и подстриженной лопатистой бородкой» (т. 2, с. 292). В этой предельно краткой зарисовке весь характер Кутепова — ум (широколобий), упорство и упрямство (бычье лицо), наблюдательность, умение вникать в обстановку (широко посаженные глаза), пунктуальность, доходящая до жестокости (подстриженная лопатистая бородка).

---

⁶ Св.: «Поделитесь, Донцы, через меня с полной откровенностью своим, может быть, иногда и горьким опытом со своими братьями казаками: ведь учиться никогда не поздно и можно научиться не только на хороших примерах, но и на ошибках» (*Богаевский А.П.* Письмо донцам № 12. София. 12. II. 1922 // *Казачьи думы.* № 1. 26 февраля 1922. С. 2: орфография оригинала сохранена).

⁷ Ср.: «Великие истребители человечества — Атилла, Чингиз-хан, Тамерлан, — все это дети в сравнении с этим сумасшедшим теоретиком, который сумел убить при помощи вызванной им гражданской войны, кровавой деятельности чека и страшного голода, как результата управления советской власти, — до 25 миллионов русского населения; уничтожить все богатства России, накопленные веками, и унижить русское имя до того, что с ним перестали считаться даже самые мелкие государства...» (*Богаевский, А.П.* Письмо донцам. № 34 // *Казачьи думы.* № 203. 22 февраля 1924. С. 1: орфография оригинала сохранена).

Ген. А.П. Кутепов (1882 — после 26 января 1930) — знаковое имя для Белого движения. Участник Русско-японской, Первой мировой и Гражданской войн, он остался в памяти военной эмиграции как командир Первого армейского корпуса армии ген. Врангеля, сумевший ценой невероятных усилий превратить в галлиполийском лагере на берегу Дарданелл толпу потерявших надежду беженцев в вымуштрованную и хорошо обученную воинскую единицу. Кутепов жил в Болгарии в 1921–1922 гг. в г. Велико-Тырново, где был расположен штаб корпуса, много ездил по стране с инспекциями отдельных воинских частей. Позже, в связи с обвинениями врангелевских офицеров в заговоре против земледельческого правительства А. Стамболийского его выслали из страны⁸. В 1924 г. он уехал в Париж, где после смерти Великого князя Николая Николаевича возглавил Русский общевоинский союз (РОВС)⁹. 26 января 1930 г. Кутепов был похищен в Париже среди бела дня советской разведкой. Его дальнейшая судьба оставалась загадкой до 1989 г., когда была озвучена версия, что он умер от сердечного приступа на советском пароходе по пути из Марселя в Новороссийск. По другим сведениям, смерть Кутепова наступила еще в Париже, непосредственно после его похищения, а его тело было уничтожено похитителями на территории советского посольства¹⁰.

Трагической была судьба и другого персонажа «Тихого Дона» — генерала лейб-гвардейского Атаманского полка **Александра Степановича Секретева**, которого во время Верхнедонского (Вешенского) восстания вешенцы встречали

---

⁸ В мае-июне 1922 г. земледельческое правительство выслало из страны 35 генералов во главе с Кутеповым, Вязьмитиновым и Шатиловым и около 60 офицеров. См. более подробно: *Спасов Л.* Болгария и СССР. 1917–1944. (Политико-дипломатически отношения). Велико Тырново: Фабер. 2008. С. 84–100.

⁹ РОВС был создан по инициативе ген. Врангеля 1 сентября 1924 г. и, по сути дела, переводил выведенную из Крыма Русскую армию на полувоенное положение: армейские структуры были трансформированы в своеобразное воинское братство.

¹⁰ *Кравчинский М.Э.* Русская песня в изгнании. Изд. 2-е, перераб. и доп. Нижний Новгород: ДЕКОМ. С. 42–43.

хлебом-солью и колокольным звоном. «Высокий, статный» командир, прорвавшейся к повстанцам на помощь конной группе Донской армии показан в своей агрессивной, сродни алкогольному делирию, неуверенности. Одурманенный жарой и самогоном, ослабевший генерал споткнулся и упал ничком на горячий песок. Присутствующие при этом «почтительнейше приподняли генерала, которого тут же всенародно стошнило. Но в перерывах между приступами рвоты он еще пытался что-то выкрикивать, воинственно потрясая кулаками». Его речь, произнесенная на банкете, «была исполнена пьяного бахвальства и в конце содержала недвусмысленные упрёки и угрозы по адресу верхнедонцев». Внимательный к знаковым и значащим деталям, Шолохов за ограниченное время присутствия в романе этого персонажа успел упомянуть и его любовь к лошадям: «исконный казак, уроженец одного из хуторов Краснокутской станицы — был страстным любителем верховых лошадей, превосходным наездником, лихим кавалерийским генералом» (т. 4, с. 56–57).

В эмиграции А.С. Секретев (1882–1931) проживал в южной Болгарии. Тоска по тихому Дону привела его в пробольшевистскую организацию «Союз возвращения на Родину» (Совнарод). Он подписал обращение «К войскам Белой армии» с призывом к белоэмигрантам возвращаться в Советскую Россию. За это Секретев был исключен из списков всех казачьих частей, а Лейб-гвардейский Атаманский полк лишил его права носить полковую форму. Генерал не строил иллюзий по поводу своей дальнейшей судьбы: однажды, в Калединско-Назаревском полку, куда его привезли в агитационных целях деятели Совнарода, крепко выпив, он сказал казакам: «Все вы меня знаете, вместе воевали, вместе и домой поедем, вместе нас там и повесят. А мы все-таки поедем»¹¹.

В январе 1923 г., через несколько месяцев после того, как заканчивается действие шолоховского романа, Секретев вернулся в СССР. Согласно версии «Казачьего словаря-справоч-

---

¹¹ См.: Казачий словарь-справочник. Т. 3. Сост. Г.В. Губарев; ред. — издатель А.И. Скрылов. Сан-Ансельмо, Калифорния. URL: <http://www.cossackdom.com/enciclopedic/k.htm> (Дата обращения: 01.08.2013).

ника», он получил должность инструктора верховой езды при Новочеркасской школе красных курсантов, но вскоре умер. По другим сведениям, генерал окончил свои дни в станице Нижне-Чирской, где был сторожем на бахчах¹². Его имя промелькнуло на страницах выходившего в г. Стара-Загора информационного листка Донского корпуса как предостережение казакам, поддавшимся агитации Совнарода: «В станицу приехал А.С. Секретев и живет в доме Л. (тюрьма). Страшно бедствует, но помочь ему никто не может»¹³. По данным Википедии, по возвращении в СССР Секретев первоначально проживал в Москве и работал инструктором кавалерийских курсов в Высшей пограничной школе ОГПУ. После расформирования школы был демобилизован и служил инструктором верховой езды при Новочеркасской школе красных курсантов. В 1930 г. был арестован по обвинению в принадлежности к так называемой казачьей контрреволюционной организации «Казачий блок», в 1931 г. его расстреляли, а в 1989 г. реабилитировали.¹⁴

Наиболее интересное историческое лицо в «Тихом Доне» — как с точки зрения романного поведения, так и ввиду его дальнейшей судьбы, это **Павел Назарович Кудинов** (1891–1967). Как руководитель Верхнедонского (Вешенского) восстания против советской власти в 1919 г. он одна из центральных фигур третьей книги романа.

В отличие от вышеперечисленных исторических личностей Кудинов выведен в романе только с помощью портретной характеристики (лицо Кутепова), посредством выхваченной как бы кинокамерой детали внешности (ус Богачевского, кольцо на указательном пальце Попова) или изображения поведения (пьянство Секретева). Шолохов наделил Кудинова полнокровным бытием художественного персонажа. С одной стороны, он выразитель реакции казачьих масс на красный террор, иначе говоря, эмблематичный для реализма «типичный герой в типичных обстоятельствах». Это обстоятельство

---

¹² Там же.

¹³ Донской осведомительный листок. 1923. № 177. С. 2.

¹⁴ Секретев Александр Степанович. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 01.08.2013).

объясняет, почему долгие годы литературоведы считали Кудинова собирательным образом. С другой стороны, он индивидуализирован, будучи наделен целым комплексом характеристик, которые придают его образу пластичность. Более того, эти характеристики раздвигают рамки, заданные конкретными реальными событиями, обеспечивая этому историческому персонажу свободу действия в пространстве романа, в результате превращают его в литературного героя.

Фамилия «Кудинов» впервые появляется в конце 9-й главы пятой части второй книги (т. 2, с. 231) среди фамилий представителей Военно-революционного комитета во главе с Подтелковым, делегированных в Новочеркасск на встречу с донским правительством. Нигде в романе мы не нашли подтверждения идентичности Кудинова — представителя Военно-революционного комитета и Кудинова — руководителя Верхнедонского восстания. Факт из биографии П.Н. Кудинова, что в 1918 г. он был начальником пулеметной команды 1-го Вешенского конного полка Донской армии¹⁵, свидетельствует о том, что в указанном тексте был упомянут однофамилец.

Шолохов вводит этого героя посредством предельно сжатой и вместе с тем предельно точной характеристики: «Суярова на должности командующего объединенными повстанческими силами сменил молодой — двадцативосьмилетний — хорунжий Кудинов Павел, георгиевский кавалер всех четырех степеней, краснобай и умница. Отличался он слабохарактерностью, и не ему бы править мятежным округом в такое буревое время, но тянулись к нему казаки за простоту и обходительность. А главное, глубоко уходил корнями Кудинов в толщу казачества, откуда шел родом, и был лишен высокомерия и офицерской заносчивости, обычно свойственной выскочкам. Он всегда скромно одевался, носил длинные, в кружок подрезанные волосы, был сутуловат и скороговорист. Сухощавое длинноносое лицо его казалось мужиковатым, не отличимым ничем» (т. 3, с. 209–210).

Кудинов — литературный герой в произведении показан в разных ситуациях (разговоры с Григорием Мелеховым,

¹⁵ Кудинов Павел Назарьевич. URL: <http://ru.wikipedia.org> (дата обращения: 20.05.2013).

с полковником-кавказцем Георгидзе, с казаками; реакция на освобождение Мелеховым из тюрьмы родственников красноармейцев, совещания в штабе повстанцев), раскрывающих отдельные присущие только ему черты характера. Он индивидуализирован не только при помощи поступков, но и речи — устной¹⁶ и письменной¹⁷. Любопытно, однако, то, что Шолохов, не зная лично изображенного им исторического лица, настолько умело выявил индивидуализирующие его качества, что казаки-эмигранты спрашивали Кудинова: «Скажите, Павел Назарович, не припомните, кем он у вас служил в штабе, этот Шолохов, что так досконально всё мыслию превзошел и изобразил»¹⁸. Кудинов объяснял это талантом: «Такое ему от Бога дано видение человеческих сердец и талант!»¹⁹ Ф. Кузнецов в своей монографии «

“Тихий Дон”: судьба и правда великого романа» дал по существу ответ на этот вопрос: писатель хорошо знал важнейших участников Верхнедонского восстания и черпал сведения о нем и о его руководителе из первых рук.

И эмигрантская судьба Павла Кудинова достойна, как говорится, романа. В Болгарии он проживал в Софии, Сливене, селе Князь-Александрово (ныне г. Димово), в городах Ивайловград, Добрич, Фердинанд (позже Михайловград, ныне Монтана). Сторонник идеи самодостаточности Донского края, относящийся с подозрением и к красным комиссарам, и к белым «зо-

---

¹⁶ Ср.: «Ум хорошо, а два еще хуже.» (Т. 3. С. 245).

¹⁷ Ср.: «Ежели наших местных коммунистов сердобцы выдадут — гони их под усиленным конвоем в Вешки, тоже по хуторам. Но сначала пропусти сердобцев. В конвое поручи отобрать самых надежных казаков (полютей да стариковатых), пускай они их гонят и народу широко заранее оповещают. Нам об них и руки поганить нечего, их бабы кольями побьют, ежели дело умело и с умом поставить. Понял? Нам эта политика выгодней: расстреляй их — слух дойдет и до красных, — мол, пленных расстреливают: а эдак проще, народ на них травить, гнев людской спустить, как цепного кобеля. Самосуд — и все. Ни спроса, ни ответа!» (Т. 3. С. 313–314).

¹⁸ Цит. по: Кузнецов Ф.Ф. «Тихий Дон»: судьба и правда великого романа. М., 2005. С. 256. URL: <http://feb-web.ru/feb/sholokh/critics/ksp/ksp-001b.htm?cmd=0> (дата обращения 26.04.2013).

¹⁹ Там же.

лотопогонникам», в 1930-е гг. он был активным сотрудником казачьих националистических изданий, председателем Союза казаков-националистов в Болгарии. Будучи смещенным с поста председателя в конце 1936 г., стал причиной приостановления издания органа Союза журнала «Казакция»²⁰ и уже в следующем году начал издавать свой собственный журнал «Вольный Дон» (1937–1938).

В политической деятельности шолоховского героя на территории нашей страны много неясного, а то и двусмысленного. С одной стороны, Кудинов нападает на журнал «Казакция» за получение им денег на издание от давнишнего врага казачества Польши²¹. А с другой стороны, и сам выпускает

---

²⁰ Ср.: «Настоящий номер выходит с опозданием. Причиной такого запоздания послужило следующее печальное обстоятельство: Формальным издателем журнала в Болгарии до сих пор являлось Правление Союза Казаков Националистов в Софии. После перевыборов, произошедших в составе ЦП в результате решения с'езда от 25–26 декабря 1936 года, Председатель Союза Казаков — Националистов П.Н. Кудинов, в порядке мести за отстранение его с поста Председателя ЦП, предпринял шаги к закрытию журнала “Казакция”. С этой целью он, без ведома и согласия других членов Правления Союза, возбудил перед Болгарским Министерством ходатайство о разрешении ему издавать новый журнал “Вольный Дон”, взамен “Казакция”. Министерство, введенное в заблуждение, удовлетворило это ходатайство. Издателю журнала “Казакция”, как представителю ЦП, пришлось потратить и время и энергию на аннулирование этого акта Кудинова и на процедуру восстановления “Казакции”. Приходится от души скорбеть по поводу того, что люди, казавшиеся патриотами и идейными деятелями, так слепо подчиняются личным чувствам и мотивам, что за ними перестают видеть интерес общего дела и различать полезное от вредного». — От издательства журнала “Казакция” // Казакция. № 1–2 (19–20). 1937; орфография оригинала сохранена.

²¹ Ср.: «...соседи, убаюкивая Казачество дружбой, родством, созданием единого фронта для борьбы против общего поработителя — Москвы, в то же время в стенах Варшавского и Парижского прометеев выкраивают свои государственно-политические карты, из под угла „по хунхузски”, размахивают кривыми азиатскими ятаганами, и волнообразными мечами, чтобы рассечь казачьи земли и при удобном случае как добычу завоевателей, разделить их между собою» (Вольный Дон. Ноябрь 1937. № 1. С. 15; орфография оригинала сохранена).

журнал «Вольный Дон», в котором всё русское и тем более советское поносят самым примитивным образом. И делалось это на деньги из СССР, выступавшего ярким врагом исконной казачьей вольности²². Критикуя издания казаков-националистов, Кудинов сознательно, по собственному признанию, в дальнейшем способствовал реализации советского плана по разъединению русской эмиграции через разжигание в ней националистических тенденций²³. Эти действия Кудинова вызвали в Болгарии возмущение казачьих организаций. Он и его последователи были объявлены большевистскими агентами. В конце 1938 г. с трибуны состоявшегося 4 декабря в Софии съезда представителей донских казаков, проживающих в Болгарии, Кудинова публично назвали предателем и выдвинули

---

²² Сам Кудинов указывает, что получил от секретаря советского посольства в Болгарии Яковлева 15 тысяч левов на издание журнала «Вольный Дон»; см. *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 229.

²³ См. более подробно: *Кьосева Ц.* България и руската емиграция. (20-те — 50-те години на ХХ в.). София, 2002. С. 183, 190.

В направленной в 1954 г. в Президиум Верховного Совета СССР «Просьбе о помиловании» Кудинов писал: «В Посольстве я был принят атташе по печати Яковлевым. Кроме разговоров, относящихся к письму Епихиной, секретарь Яковлев затронул вопросы политического характера, которые относились к возможности, с моей стороны, сотрудничества во благо Советского Союза. Предложение мною было принято, но с условием: о Болгарии ни слова! Яковлев высказывал мысль об издательстве газеты, направленной против поляк[ов] и эмигрантских антисоветских организаций. С таким предложением я не согласился, так как издательство подобной газеты приведет к разгрому — это первое, а второе — нужны сотрудники, а их не найти и эта затея будет просто смята. Самый верный способ, — предложил я, — издавать журнал, не меняя сотрудников, тех же казаков. Содержание журнала должно быть направ[лено] против поляк[ов], РОВса и казачьих организаций, с конечной целью расколоть их единство, и, в то же время, прикрыться статьями антисоветского характера. Название журнала, — сказал я, — “Вольный Дон”, это для того, чтобы избежать всяких подозрений соответствующего органа. Со всеми моими доводами Яковлев согласился. Кроме того, было уговорено, чтобы письма писать всем руководителям различных организаций, для нужных целей. После разговоров и окончательной договоренности, сотрудничество приняло живой характер» — Цит. по: *Кузнецов, Ф.Ф.* Указ. соч. С. 229.

предложение лишить его звания донского казака, «дабы другим укрывающимся предателям было неповадно»²⁴

После разоблачения Кудинова болгарской полицией как сотрудника советской разведки, его судили и с рядом других русских эмигрантов выслали из страны. Некоторое время он проживал в Румынии и в Турции. В Болгарию он вернулся накануне Второй мировой войны. Осенью 1944 г. его арестовали органы военной контрразведки (СМЕРШ) III Украинского фронта. Позже Кудинова отправили в СССР, где как руководителя Верхнедонского восстания приговорили по статьям 58–4 и 58–11 УК РСФСР к 10 годам лагерей²⁵. По его собственным рассказам, Военный трибунал не нашел в его действиях никакой вины, но по личному приказу Сталина и Берии он был отправлен в ГУЛАГ. А там за балагурство получил кличку... «Хрущев». После освобождения Кудинов поехал на Дон, побывал в Вешенской, где безуспешно пытался встретиться с Шолоховым. Не получив советского паспорта, он вернулся в Болгарию, где вместе с женой бедствовал в Михайловграде, работал в ТКЗС²⁶. В октябре 1967 г. его сбил поезд в районе г. Видин, и через несколько дней он умер в видинской больнице в возрасте 76 лет. Похоронили его в г. Димово²⁷.

²⁴ См.: Казаки за границей. Донской атаман ген.-лейт., граф Граббе в Болгарии 17 октября — 15 ноября 1938 г. С. 42.

²⁵ См. *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 829.

²⁶ Трудово кооперативно земеделско стопанство (трудовое кооперативное земледельческое хозяйство) — болгарский аналог советских колхозов.

²⁷ *Ставрева В.* Влак убива край Видин герой на Шолохов. URL: <http://www.24chasa.bg/Article.asp?ArticleId=1514200> (дата обращения 24.08.2012).

В заметке «Памяти полковника П.Н. Кудинова», опубликованной в издании Казачьего союза во Франции, читаем: «Последние годы П.Н. Кудинов сильно бедствовал, здоровье его было подорвано, пенсию он не получал, право работать было сильно ограничено. После него осталась вдова, тоже преклонного возраста, также бедствующая, обратившаяся с просьбой помочь ей поставить крест на могиле покойного донского казака полковника П.Н. Кудинова, верно служившего своей Родине. Сама она сильно нуждается и не может этого сделать. Просила помочь и ей. Будем надеяться, что русские люди и в первую очередь донские казаки это сделают» (Родимый край. Январь-февраль 1968. № 74. С. 40).

Несмотря на негативное отношение ко многим поступкам Кудинова, исследователи не считают его политическим авантюристом — он видится ими как постоянно ищущий и не находящий своего берега человек, попавший в водоворот политических событий первой половины XX в. Сам по себе он даже довольно привлекателен. Именно исследовательская симпатия, скорее всего, заставляла некоторых авторов времен издания «Вольного Дона» изображать Кудинова русофилом²⁸. Трудно поверить поздним объяснениям Кудинова, что статьи антисоветского характера служили прикрытием его сотрудничества с советским посольством. На самом деле многие материалы журнала внедряли в сознание не очень грамотных и не особо критически настроенных читателей (едва ли догадывавшихся о просоветских целях издателя) пещерную русофобию и антисоветские настроения. Не было видно в ней конца и края нападкам на «богоносную, сиволапую Русь» с ее «русским духом» и с «модной» обувью — лапоточками. Не прекращалось иронизирование по поводу исконной «русской идеи» о том, как Ванюшка-дурачок по-щучьему веленью, по-русскому хотенью превращается в красавца, умника и богача Ивана-царевича²⁹. И хотя временами русофобия «Вольного

---

²⁸ Ср.: «Кудинов на следствии не скрывал, что его журнал «Вольный Дон» ведет ударную политическую линию против тех держав, которые готовят вооруженную экспансию против России» (*Разозрева Л.П.* Коротко из биографии Кудинова. URL: <http://molodidov-cossacks.com/?p=8457>, дата обращения 20.10.2011).

²⁹ Цитата из: *САМ. Забытый шлях // Вольный Дон. 1938. № 3. С. 4.* Как яростный русофоб проявил себя активный сотрудник журнала П.Ф. Крюков, приемный сын известного донского писателя Ф.Д. Крюкова, которого антишолоховеды стараются представить настоящим автором «Тихого Дона». В интерпретации П. Крюкова русские — «богоносные лапотники», они — трусливые зайцы, рабы варягов и грузин, им нужны юбки, кофты, пяльцы, да с «плетью» дядя — господин» (*Донской Баян. Настанет час // Вольный Дон. Май 1938. № 3. С. 8.*) Попутно отметим, что нигде среди опубликованных в «Вольном Доне» материалов П.Ф. Крюкова мы не нашли ни выпадов против М.А. Шолохова и его романа, ни оспаривания авторства.

К крюковской патетике присоединяется, хотя и не столь рьяно, и Кудинов: «в войска Золотой Орды казаки давали легкую кавале-

Дона» выглядит позерством ради привлечения к себе общественного внимания посредством скандала и провокации, журнал никак нельзя причислить к русофильским или просоветским.

Можно поспорить и о прогрессивности издаваемого Кудиновым журнала³⁰. Русофобия обесцвечивала пеструю политическую палитру, подводя под общий знаменатель всех русских. По поводу гибели кубанского казака Тихона Чернявского от рук русских монархистов на Дальнем Востоке Н. Ковган отмечал, что казаки гибнут под ударами «коммунистического кнута и палки» в СССР и «под такими же ударами русских православных людей» на Дальнем Востоке. Он спрашивает: какая разница? И сам себе отвечает: «Русские белые и красные — одно и то же, только в разных красках и под разными названиями»³¹. Проводится и идея, что раньше казаки были брошены на произвол судьбы русским генералом Деникиным на Черноморском побережье, а теперь Донская казачья земля

рию, болгары — купцов и мореходов, мордвины и черемисы — пехотинцев-стрелков. Московский люд и его ополчение, как никудышное войско, в состав монгольских армий не принимали и они выкупались, уплачивая, “ясак” — налог» (*Кудинов П.* Казашката народност и нейната държава // *Вольный Дон.* Ноябрь 1937. № 1. С. 17; перевод с болгарского языка мой. — *РИ.*). В другой статье «Казаци и българи», очевидно тоже предназначенной сочувствующим казачьей национальной идее болгарским читателям, Кудинов приравнивает жизнь поработенных казаков под московским рабством к жизни болгар под турецким игом (*Вольный Дон.* Январь и февраль 1938. № 2. С. 17).

³⁰ Ср.: «За деятельность по разложению русской и казачьей эмиграции в Софии, за коммунистическую агитацию и издание прогрессивного журнала высылался из страны Павел Назарович Кудинов» (*Аблова Р.Т.* Сотрудничество советского и болгарского народов в борьбе против фашизма (1941–1945 гг.). М.: Высшая школа, 1973. С. 321).

На наш взгляд, к рассказу самого Кудинова о сотрудничестве с советским посольством во второй половине 30-х гг. следует относиться критически.

³¹ *Ковган Н.* Не могу молчать // *Вольный Дон.* 1937. № 1. С. 24.

задыхается под неслышанно варварским управлением и насилием русских оккупантов³².

Особого внимания заслуживает журналистский стиль самого Кудинова с его вычурной патетикой, желанием казаться оригинальным, даже с его орфографическими ошибками. Это и декларация нежелания казаков-националистов в Болгарии быть «акционерами интриг», и отсылка к «резервуару седой истории», и обвинения оппонентов в том, что они увязли «в азарте вульгарного партизанского криминализма», и предостережение «не засорять страницы журналов, которые будут вечными свидетелями и судьями наших дел», и призыв: «Станичники! Ваш долг своею жертвенностью поддерживать издание жур. “В.-Дон”. Не забывайте родину, зарывшись в обывательщину!»³³ Отметим также, что при необходимости публицист становился и поэтом³⁴.

Сегодня мы знаем многое о Кудинове благодаря не только произведению Шолохова и эмигрантской периодике, но и целому ряду исследователей, среди которых в первую очередь следует выделить Ф.Ф. Кузнецова, и в частности четвертую главу его упомянутой монографии «Тихий Дон: судьба и правда великого романа» (М., 2005). Она названа чрезвычайно точно: «Голгофа Павла Кудинова». Кузнецов строит свои наблюдения и выводы на обширном и разностороннем документальном материале. Особое место в нем занимают воспоминания литератора и краеведа, в прошлом офицера внутренних войск Г.Ю. Набойщикова, который лично знал Кудинова по ГУЛАГу и в первой половине 1960-х гг. переписывался с ним. Магнитофонная запись этих воспоминаний — «Мои встречи и переписка с П.Н. Кудиновым», сделанная в свое время А. Зименковым, опубликована как приложение в книге Ф.Ф. Кузнецова.

³² Крюков П. К донским казакам националистам // Вольный Дон. 1938. № 2. С. 5

³³ Цитаты в кавычках взяты произвольно из первого номера журнала «Вольный Дон».

³⁴ См.: Кудинов П. На сопках Чаталджи // Вольный Дон. 1938. № 2. С. 19.

Для того чтобы полнее обрисовать портрет Кудинова, представляется необходимым привлечь воспоминания еще двоих людей, которые в разное время общались с ним в Болгарии, — Ореста Мальцева и Анастаса Стоянова³⁵.

Орест Мальцев был работником дивизионной газеты. Его первая и единственная встреча с шолоховским героем произошла осенью 1944 г. при вступлении войск III Украинского фронта в Болгарию. О ней он рассказал в статье «Не улетай, восточный ветер», напечатанной в журнале «Смена» в номере 954 (февраль 1967 г.).

Известный болгарский поэт, публицист и журналист Анастас Стоянов (1931–2004) впервые написал о Кудинове в статье «Ходене по мъките» / («Хождение по мукам»), вышедшей в 1963 г. в журнале «Наша родина»³⁶. Тогда из-за политической конъюнктуры о многом пришлось умолчать, многое пришлось приукрасить и даже исказить. Журналист, однако, сохранил свои записки и через 30 лет, в 1993 г., опубликовал на их основе в газете «Монт-прес» серию очерков под названием «Донски казак се къпе в Огоста» («Донской казак купается в реке Огоста»)³⁷. Лишь тогда, по его собственным словам, Стоянову удалось поведать «страшную правду об этом необыкновенном человеке»³⁸.

---

³⁵ На данный момент мы не располагаем другими рассказами очевидцев о П.Н. Кудинове. Даже разговор с известным краеведом Николой Намеранским не дал результатов. Старшее поколение г. Монтана (Фердинанд — Михайловград) помнит Пелагею Ивановну и знает, что она — жена шолоховского героя. Но не более.

³⁶ См.: *Стоянов А.* Ходене по мъките // *Наша родина.* Февруари 1963. № 2 (110). С. 24–25.

³⁷ См.: *Стоянов А.* Донски казак се къпе в Огоста // *Монт-прес.* 1993. №№ 35–37; 39–41.

Сердечно благодарю своего коллегу доцента Пламена Антова, в прошлом журналиста газеты «Монт-прес», любезно предоставившего мне ксерокопии очерков А. Стоянова.

Газета «Монт-прес» выходит в г. Монтана, где по возвращении из Сибири проживал П.Н. Кудинов.

³⁸ Ср.: «Я сомневался, что это время вообще когда-то придет. И сейчас сомневаюсь» (35). Далее в тексте в скобках будем отмечать номер газеты, на который ссылаемся. Перевод с болгарского наш. — *Р.И.*

Эти очерки представляют большую ценность для шолоховедения, и не только потому, что кое-что уточняют, а кое-что — опровергают. Из всех писавших о Кудинове один Стоянов имел возможность многократно встречаться и разговаривать с шолоховским героем. Наделенный наблюдательностью и острым пером, он нарисовал колоритный, запоминающийся образ старого донского казака-эмигранта. Доброжелательное внимание к герою помогло журналисту донести сквозь годы до читательской аудитории его сочный, живой язык; своеобразную манеру изъясняться, вставляя болгарские слова в русскую речь и наоборот.

Впервые Стоянов увидел Кудинова будучи еще ребенком, в начале 1943 г., в своем родном селе Живовцы во время ритуального крещенского купания мужчин на Иванов день (7/20 января) в реке Огосте. Тогда выпивший Кудинов кричал: «Донской казак купается в Огосте», чем привлек пристальное внимание двух офицеров профашистской Болгарии, которые тут же схватили его. От расправы его спасло вмешательство местных жителей, которые подтвердили, что казак этот — не из красных, а из белых русских. Вторая встреча произошла 12 августа 1962 г. в г. Михайловград, где по заданию редакции Стоянов отыскал Кудинова, чтобы написать о нем очерк — тот самый, который выйдет в журнале «Наша родина». Задание было не из легких: старый казак не хотел встречаться с журналистами, не разрешал фотографировать себя, ничего о себе не рассказывал и вообще слыл нелюдимым (№ 35).

Журналисту повезло: в школе ему преподавала русский язык супруга Кудинова — Пелагея Ивановна, которая, узнав своего бывшего ученика, способствовала их знакомству и дальнейшему общению. Стоянов несколько раз гостил у Кудинова, потом были случайные встречи — на вокзале, в поле, у реки, в магазине, возле киоска. В последний раз Стоянов видел издали Кудинова, вывозившего на кляче помой из местных ресторанов.

Небольшого роста, крепкий, с успокоенной временем сединой, с повисшей левой рукой, с голубыми недоверчивыми и немножко злыми глазами (35) — вот таким увидел бывшего руководителя Верхнедонского восстания молодой журналист.

Очерки Стоянова проливают свет на некоторые эпизоды из насыщенной событиями биографии Кудинова. Так, например, они уточняют эмигрантский маршрут героя: после Крымской эвакуации на пароходе «Великий князь Александр Михайлович» он прибыл в Константинополь, а оттуда — в Галлиполи. Именно в Галлиполи, где размещался Первый армейский корпус ген. Кутепова, а не на Лемнос, где были расквартированы Донской и Кубанский казачьи корпуса. Кудинов рассказал о том, как солдаты переименовали чужой город топоним в «Голое поле» и «красиво и зловеще» прозвали местность Долиной роз и смерти: потому что там цвели розы, а под ними ползали полчища ядовитых змей и скорпионов и кружили облака moskitov. В галлиполийском лагере Кудинов якобы встретил знаменитого Александра Вертинского и даже выступал вместе с ним (36). Позже он прибыл в Болгарию, но в 1922 г. был арестован вместе с ген. Абрамовым и выслан из страны. Некоторое время он проживал в Югославии, Германии, Чехии и, наконец, снова приехал в Болгарию, руководствуясь принципом «когда нет большого Добра, человек выбирает меньшее из зол». В Болгарии он жил в Видине, в Ломе и каком-то еще городишке на Дунае, чье название подзабыл, в Димове (тогда Князь-Александрово), где попытался заняться торговлей, но из-за конкуренции со стороны торговцев-евреев был вынужден переехать в Фердинанд (39).

Кудинов предвидел нападение Германии на Советский Союз, хотя все его болгарские знакомые говорили, что у Сталина с Гитлером — одна чашка-ложка. В Великую Отечественную войну, в отличие от многих эмигрантов, поверивших в гитлеровскую пропаганду об освободительной миссии Вермахта в отношении *подсоветского* населения, он всегда был на стороне матушки России. «А кто ее батюшка — Николай Второй и Последний, или Сталин Первый и Вечный — для меня это не имеет значение. Это — Божьи дела, а не Кудинова» — говорил он (40). По его собственным словам, никогда не участвовал ни в каких акциях военного характера, не поощрял и других. Не поддерживал ни Врангеля, ни Власова. Своим казакам говорил: «Ждите, ждите. Наступит день». На вопрос

Стоянова, что будет, когда наступит этот день, «Кудинов медленно достал саблю, взобрался на сундук, вынул ее и, не смущаясь удара в потолок и опавшей штукатурки, громко вскрикнул: «По коням! В атаку! С нами Бог!..»» (37).

В годы антифашистского Сопротивления шолоховский герой помогал болгарским партизанам, делая вид, что не понимает, что находится в торбе, которую переносил, обходя посты военных, взамен чего получал продукты питания: «строил я из себя Иванушку-дурачка». Интересен и его рассказ о знакомстве с казаком-красноармейцем Иваном Мироновичем Фонаревым, бежавшим из немецкого плена и воевавшим в местном партизанском отряде. Сначала оба они видели в другом врага и пытались перерезать друг другу горло. А когда они встретились снова через 20 лет, то обнялись — не было больше желания и силы рубиться. И то, и другое осталось в сибирской тайге: потому что от советских властей белогвардеец получил 10 лет лагерей, а красноармеец — все 20 (39).

Встретив советские войска в Князь-Александрове в конце лета 1944 г., о чем рассказывает в вышеуказанной статье О. Мальцев, в середине октября 1944 г. по собственной инициативе Кудинов пошел в советскую военную комендатуру. Комендант ген. Воронов, порывшись в бумагах и даже не взглянув на казака, сказал: «Убрать его!» В середине декабря 1944 г. Московский военный трибунал оправдал Кудинова, но на следующее утро ему показали документ за подписью Лаврентия Берии с кратким и ясным приказом: осуждается на вечную каторгу (40). Выцветшие фотографии времен сибирских лагерей запечатлели не «один день Ивана Денисовича», а «один сибирский день Павла Назаровича, день длиной в 10 лет». За эти десять лет он много раз писал жене, но не получил ответа. А потом в Москве некое высокопоставленное лицо показало ему две пачки писем — его к жене и жены к нему. В Москве же отсоветовали ему ехать в Вешенскую: «Казаки там зарубят вас прямо на вокзале». Но он все-таки поехал. Нашел церквушку и старого батюшку в живых. «И молились мы с батюшкой ночь напролет, и жаловались друг другу, и плакали, и справили панихиду по переселившимся по ту сторону». А потом батюшка

ему сказал: «Утро не должно тебя застать здесь. Беги, пока еще не рассвело. Помнишь Ермакова? На моих глазах его зарубили здесь, прямо во дворике, по кускам его собирал... А и к кому ты пойдешь? Сам понял из моих молитв — никто из твоих в живых не остался» (40).

Так после Сибири вернулся Кудинов в Болгарию в старый городишко с новым именем³⁹, стал работать в местном колхозе. Мечты вернуться на родную землю, в том числе и при помощи Шолохова, таяли с каждым годом, а тоска по родине заполняла всё его существо. Стоянову он говорил: «Днем купаюсь в Огосте, ночью в нашем тихом Доне захлебываюсь. Утопаю, до самого его дна пропадаю. И нету там для меня глотка воздуха, не проблескивает крупинки света» (40).

В рассказах Кудинова можно найти сведения о врангелевском заговоре (36), репатриации (39), участии белогвардейцев в подавлении коммунистического Сентябрьского восстания 1923 г. и в связи с этим об отрицательном отношении к ним местных жителей, для которых слово «белогвардеец» превратилось в «черногвардеец» (39). Писал он и о терском казаке Иване Томаревском — «кобзаре казачества» (37) и т.д.

Сильное впечатление на Стоянова произвело содержимое сундуков старого казака — георгиевский крест за храбрость, завернутый в красную салфетку с вышивкой, казачья военная форма — постиранная и выглаженная, фуражка, шашка, плеть, кожаные ремни — всё прибранное, чистое, как будто не тронутое. Видел он и архив Ивана Томаревского, который позже был изъят, по словам Кудинова, советскими спецслужбами вместе с георгиевским крестом, саблей и остальными вещами, напоминающими о казачьем прошлом (41).

При сопоставлении текстов Г.Ю. Набойщикова, О. Мальцева и А. Стоянова нельзя не заметить расхождений, выходящих за рамки субъективного взгляда. Так, например, у Мальцева Пелагея Ивановна в 1944 г. — типажная хлебосольная казачка. Это «очень радушная, полная женщина в цветном

---

³⁹ В 1945 г. названный в честь болгарского царя Фердинанда город был переименован в Михайлов град для увековечивания имени антифашиста Христо Михайлова.

сарафане» с большими грустными глазами, которая угощает военного журналиста «русским борщом и оладьями с медом» и мечтательно говорит «певучим, притушенным голосом»⁴⁰. Учительница русского языка Пелагея Ивановна Сенькова, преподававшая Стоянову в старших классах, стройная женщина невысокого роста, обутая в туфли на каблукках. Строгой учительницы побаивается не только ее бывший ученик, но и сам Кудинов: «Злая женщина. Опасная женщина» (35). По этой причине он не смеет продать что-либо из реликвий: «Будет мне от нее хорошая взбучка» (37). У Мальцева Кудинов сам ищет контактов, у Стоянова он слывет нелюдимым. У Мальцева Кудинов встретил советских солдат в селе Князь-Александрово на Дунае в маленьком домике, где всё было по старинке, у Набойщикова в это же время его арестовали сотрудники НКВД в г. Фердинанд, у Стоянова он не стал ждать вызова в советскую военную комендатуру, а сам пошел туда.

Особенно заметны нестыковки между рассказами Набойщикова и Стоянова, активное общение которых с Кудиновым выпадает примерно на один и тот же период (первая половина 1960-х гг.). Набойщиков, лично встретившийся с шолоховским героем в середине 1950-х гг., нигде не отмечает такую его отличительную особенность (о которой несколько раз упоминает Стоянов), как повисшую левую руку⁴¹, изувеченную в 1914 г. в том самом сражении, за которое он получил георгиевский крест. У Набойщикова кудиновская заметка в советской газете, из-за которой герой считает, что пострадал больше всего в жизни, была опубликована в «Известиях» Верхне-Донского окрисполкома и окружкома РКП(б) от 2 августа 1922 г.⁴², у Стоянова Кудинов по совету Шолохова написал покаянное письмо, но в «большой донской областной газете» среди океа-

⁴⁰ *Мальцев О.* Не улетай, восточный ветер. URL: <http://smena-online.ru/node/49290/print> (дата обращения 19.05.2013).

⁴¹ Ср.: «И вот я столкнулся с мужчиной, которому было уже за 60 лет. Хотя ему можно было дать гораздо меньше. Крепкий мужик: быстро ходит, быстрая реакция, среднего роста, широкоплечий, такая у него улыбочка с лукавинкой, умный взгляд такой, подозрительный.». Цит. по: *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 839.

⁴² Там же. С. 825, 842.

на написанных кем-то чужих слов мелькало лишь его имя. Зарубежное казачество отреагировало резко, назвав его предателем, и вынесло ему три смертных приговора (41).

Подобные несоответствия вызывают ряд вопросов, в том числе о фигуре Кудинова и о степени доверия, к тому, что рассказывал советскому офицеру внутренних войск и болгарскому журналисту⁴³. Амплитуда возможных ответов допускает существование в корне противоположных версий относительно того, кем он был на самом деле. Разведчиком-нелегалом, ставшим жертвой внутриведомственной борьбы советских спецслужб из-за политического авантюризма или хитрецом-казакком, прикидывающимся простецом для того, чтобы выжить? К тому же следует учитывать, что в 1960-х гг. этот уже немолодой человек кое-что подзабыл, кое-что перемешалось в его сознании, а в отношении чего-то другого он мог умышленно вводить собеседников в заблуждение. Возможно, появятся новые документы, которые покажут, кем на самом деле был Павел Назарович Кудинов.

Что касается Кудинова — героя романа-эпопеи М.А. Шолохова, то источники, на которые мы ссылаемся, на редкость единодушны. Они позволяют выявить уникальные отношения прототипа художественного персонажа с текстом художественного произведения, автором романа и его исследователями.

Герой — художественный текст. Здесь можно наметить следующие моменты:

— Герой дает оценку литературному тексту, действующим лицом которого он является. Впервые Кудинов прочитал роман Шолохова в Чехии: «Там наши белогвардейцы нашли “Тихий

---

⁴³ Скорее всего, А. Стоянов имел в виду Кудинов, когда писал Набойщикову о некоем журналисте, — «болгарине молодом — лет 25», который побывал у него и, «желая написать обо мне статью, попросил у меня снимку». Кудинов доверился ему и предоставил фотографию в форме военных времен. Потом он написал ряд писем с просьбой вернуть ему фотографию, но вот прошло уже пять месяцев — «тот жулик молчит и молчит». — Цит. *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч., С. 253.

Уточним, что Стоянов не оказался жуликом. Фотография молодого хорунжего Кудинова была опубликована в 1963 г. в журнале «Наша родина» и через 30 лет перепечатана в газете «Монт-пресс».

Дон». И показали мне. И вместе читали. Читали и плакали... Представь себе: ночь, сарай, сеновал какой-то, далеко от родины, сидят старые бойцы казаки. И видят Дон, и хату свою, и молодость свою, и жизнь свою... Бедные, голодные, несчастные. И слушают. И как умеет читать Пелагея Ивановна. Как умеет!...» (36)⁴⁴.

Герой видит в произведении «великое сотворение истинно русского духа и сердца», в котором все описано «красиво и влюбленно»⁴⁵, в нем «много святой правды... Почти в каждой главе “Тихого Дона” повествуется о событиях и фактах, которые были в жизни...»⁴⁶. Позже он напишет Г.Ю. Набойщикову: «Содержание книги верное и изумительно похвальное, которое оправдывает писательский талант, которым следует восхищаться»⁴⁷.

— Художественный текст помогает в лихолетье Кудинову и другим безымянным героям романа, оказавшимся, как он, в эмиграции, сделать свой выбор: «Скажу вам, как на духу,— “Тихий Дон” потряс наши души и заставил всё передумать заново, и тоска наша по России стала ещё острее, а в головах посветлело. Поверьте, что те казаки, кто читал роман М. Шолохова “Тихий Дон”, как откровение Иоанна, кто рыдал над его страницами и рвал свои седые волосы (а таких были тысячи!), — эти люди в 1941 году воевать против Советской России не могли и не пошли. И зов Гитлера — “дранг нах остен” — был для них гласом вопиющего сумасшедшего в пустыне. И вот за это прозрение на чужбине тысяч темных казаков благодаря “Тихому Дону” и передайте Шолохову мой чистосердечный казачий земной поклон...»⁴⁸

— Герой легитимируется при помощи художественного текста. В воспоминаниях Ореста Мальцева Кудинов встречает советских солдат словами: «Я донской казак. ...Моя фамилия —

---

⁴⁴ О том, как Пелагея Ивановна читала на уроках русского языка отрывки из «Тихого Дона», вспоминает и А. Стоянов: *Стоянов А.* Ходене по мъките // Наша родина. Февруари 1963. № 2. С. 24

⁴⁵ *Кузнецов Ф.Ф.* Указ. соч. С. 256.

⁴⁶ Там же. С. 197.

⁴⁷ Там же. С. 828.

⁴⁸ Там же. С. 254.

Кудинов. Павел Кудинов. Обо мне писал Михаил Шолохов в “Тихом Доне”. Дома не без торжественности он раскрывает сильно потрепанную третью книгу “Тихого Дона” и на одной из страниц показывает подчеркнутые строчки — те самые, с которых мы начали рассказ о Кудинове»⁴⁹

— Герой комментирует и при необходимости корректирует текст произведения. Мальцеву он говорит: «Шолохов ... писал обо мне сущую правду. Теперь мне больно читать его книгу. Каждая страница точно по лицу хлещет, хочется волосы на себе рвать: каким я был идиотом! Только в одном не прав писатель: будто я глубоко уходил корнями в толщу казачества. Какие там корни! Я думал только о себе, о своей карьере, о чинах, хотел прослыть великим атаманом. Плохо держали меня мои корни, если вот куда занесло... Увидите Шолохова, кланяйтесь ему. Мол, Пашка Кудинов кланяется, вот так, в пояс»⁵⁰. Подмечая некоторые фактические неточности (например, присутствие кавказца Георгидзе в своем штабе), он все же оставляет за автором право на художественный вымысел. В то же время ему обидно, что Шолохов вывел его сутуловатым, а не упомянул об искалеченной на войне руке (36).

Герой — Автор. Как видно из вышеприведенных цитат, Кудинов восхищался талантом Шолохова. Более того, как подчеркивает Ф. Кузнецов, «на всем протяжении следствия — и в Болгарии, и в Москве, и в местах заключения — до его освобождения Кудинов ни разу не упомянул Шолохова, ни разу не сослался на то, что он — один из героев “Тихого Дона”, проявляя величайшую деликатность и заботу о том, чтобы не нанести вреда писателю»⁵¹. В то же время, как отмечает Г.Ю. Набойшиков, «у него на Шолохова была обида и свои претензии к нему». Герой, чувствуя себя обделенным судьбой, задает риторический вопрос: «Скажите по правде, кому обязан Шолохов за его славу, богатство и многое и прочее, как не Кудинову?» И сам себе отвечает: «Если бы не бедняк Павел Кудинов, то и Михаил Шолохов не был бы богачом, да еще каким».

⁴⁹ Мальцев О. Указ. соч.

⁵⁰ Там же.

⁵¹ Кузнецов Ф.Ф. Указ. соч. С. 241.

Бедствующий в Болгарии Кудинов комментирует следующим образом совет Набойщикова обратиться к Шолохову с просьбой о материальной помощи: «Напрасный совет. Новые паны крошки хлеба не дадут»⁵². Подобное отношение Кудинова к Шолохову зафиксировано и в очерках Стоянова. Старый казак с горечью подытоживает: «Писатель Шолохов роман пишет, герой Кудинов капусту окапывает». И еще любопытная подробность. Оказывается, по-соседски, с детства знала Шолохова и Пелагея Ивановна. «Проворный, шаловливый мальчик, первый драчун на селе» по-рыцарски опекал ее (37).

Напомним, что Герой после отбытия срока наказания приехал в Вёшенскую, чтобы встретиться и познакомиться с Автором, но их встреча так и не состоялась. Автор в то время был в заграничной поездке (по другим сведениям — в Москве, по третьим — прятался от Героя). Позже Герой написал Автору несколько писем, но, по сведениям Набойщикова, так и не получил ответа.

Другое развитие получил этот сюжет у Стоянова. По приезде в Болгарию Кудинов написал Шолохову и попросил помочь вернуться в родные края: «Я, благодаря Царю небесному, всё еще жив, несу свой тяжкий крест на Голгофу и не ропщу на господу Бога. А твой “Тихий Дон” потряс наши грешные души, тоска наша по России и родному краю стала еще острее, а в головах солнышко заблестело». Шолохов ответил на два его письма, не обмолвившись ни словом о просьбе. Тогда Герой позвонил Автору по телефону. На совет забыть о возвращении, Кудинов воскликнул: «Но как можно забыть родную землю, и солнце наше, и степь нашу зеленую?» Был еще один, последний звонок Автору. Голос Шолохова был охрипшим, тяжелым, глухим. Единственное, что он сказал: «Здравствуй? В атаку! За родину, за Сталина (sic!) — в атаку...» Кудинов понял, что телефон Автора прослушивается, и пожалел его: «Ведь он, может быть, несчастнее меня, бедолага» (41).

Что касается М.А. Шолохова, то известен его постскриптум по поводу Кудинова: «А ведь как тяжело сложилась судьба человека. И тоскует он в письме по Донщине, мечтает походить

⁵² Там же. С. 831, 838.

по родной земле, поклониться Тихому Дону. Это еще более грустная песнь, чем у Григория Мелехова...»⁵³

Герой — Литературный исследователь. Особой сложностью отличалось отношение Павла Кудинова к исследователю «Тихого Дона» литературоведу Константину Прийме. Тот узнал от Шолохова о Кудинове и рассказал о нем в центральной печати. По недосмотру, однако, он назвал его супругу княгиней Севской, написав к тому же, что она учит болгарских детишек русскому языку. Супруга Кудинова была не княгиней, а вешенской казачкой. Материал в газете, однако, стал причиной ее увольнения с работы, что еще более усугубило бедственное положение семьи⁵⁴. Иными словами Критик стал причиной крупных неприятностей для Героя, который до конца жизни резко отзывался о нем.

За пределами нашего исследования остались исторические лица, упомянутые в «Тихом Доне», но не выведенные в качестве действующих персонажей. Такими являются командующий Кавказской армией в составе ВСЮР генерал-лейтенант **Виктор Леонидович Покровский** (1889–1922) и последний наказной атаман ВВД граф **Михаил Николаевич Граббе** (1868–1942). В Болгарии известный своей жестокостью В. Покровский организовал террористическую организацию, совершившую ряд терактов против Советской миссии и Совнарода. При аресте он оказал сопротивление и был убит болгарской полицией (а возможно, и советскими агентами)⁵⁵. Что касается М.Н. Граббе, в адрес которого можно найти немало выпадов на страницах «Вольного Дона», то он дважды — в 1935 и 1938 гг. — в качестве войскового атамана (после смерти А.П. Богаевского) посетил Болгарию.

Мы также воздержались идентифицировать командира Второго конного корпуса генерала Коновалова из 20-й главы четвертой части четвертой книги как предводителя рус-

⁵³ Там же. С. 246.

⁵⁴ Там же. С. 831.

⁵⁵ Более подробно см.: *Спасов Л.* Врангеловата армия в България 1919–1923. София: Университетско издателство «Св. Климент Охридски», 1999. С. 180–181.

ской колонии в г. Русе генерала Г.И. Коновалова (1882–1936) из-за нехватки данных. По этой же причине мы не рискнули увидеть в сотнике Сулине из 15-й главы четвертой части четвертой книги донского полковника С.Ф. Сулина (1873–1943), общепризнанного поэта Донского корпуса, проживающего в эмиграции в Болгарии.

В заключение скажем и о коллективном герое «Тихого Дона». Именно таким героем были казаки Атаманского, Платовского, Гундоровского, Каледино-Назаровского и других казачьих полков, которые оказались в эмиграции в нашей стране и которые обрели в ней вторую родину. В этом коллективном герое проступают черты и Григория Мелехова, и Степана Астахова, и Прохора Зыкова, и братьев Шамилей, и многих безымянных героев произведения. Судьба этого героя вобрала в себя судьбы целого поколения эмигрантов — тех самых, для кого роман стал откровением, прозрением, просветлением.

Статья публикуется в авторском переводе.

РЕЗЮМЕ

СЛЕД «ТИХИЯ ДОН». ГЕРОИТЕ НА М. А. ШОЛОХОВ В БЪЛГАРИЯ

Случи се така, че немалко от прототипи на героите на прочутия роман на Шолохов с вълните на бялата емиграция през 1921 г. се озовават в България, която става за тях втора родина. Авторката проследява съдбата на много от тях, започвайки от генералите П.Х. Попов, А.П. Богаевский, А.П. Кутепов и А.С. Секретев и стигайки до хора с по-ниски звания и авторитет в сравнение с тях. Съдбата на почти всички емигранти се развива трагично, те загубват високите си социални позиции, гладуват, бедстват, за да оцелеят са принудени да се наемат за най-черна работа. Някои емигранти, поддавайки се на большевишката пропаганда, се връщат в Русия, и там повечето от тях са подложени на репресии: хвърлят ги в затвора или ги разстрелват. Не са пропуснати и такива «герои», които в емиграция стават агенти на болшевиките и се стараят да внесат разкол в задграничното казашко движение. Разказва се и за включването на казациите в българската антифашистка съпротива през Втората световна война. Най-голямото място в статията се отделя на съдбата на Павел Кудинов — Шолоховият литературен герой и реално лице, видял през живота си многобройни въздигания и падения.